

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

**ИГОРЬ ОСИПОВ
ОЛЬГА ШВЕЦОВА**

**МЕТРО 2035
БЕГ ПО КРАЮ**

**Издательство АСТ
Москва**

Глава 1

«ХАЙЛЬ!»

Она уже не ощущала себя частью чего-то большого и целого. С одной стороны, это давало свободу, и она могла быть где угодно, а не бурлить в темных подвалах за зубчатой стеной, развлекаясь лишь тем, что заманивала одиноких путников, посмеявшись взглянуть на сияющие рубины звезд. Но, вырвавшись на свободу из надоевших подземелий, она испытывала жуткую тоску, будто потеряла что-то очень важное. И вернуться уже не могла. Материнская сущность сама исторгла ее из себя, отправив бродить по темным туннелям, которые люди называли странным именем «метро». Теперь она сама вольна облюбовать себе дом. Где-нибудь недалеко от этих странных двуногих разумных существ, полных до краев ее любимыми блюдами — эмоциями: страх, зависть, злость. Боль!!! Это самое вкусное.

Она нашла место. Лучшего не стоило и желать. Оно было похоже на праздничный стол, накрытый специально для нее. Яркая беззвучная вспышка озарила метропоезд в глубине туннеля. Поезд наполняли боль и страдания. Черные кости и оскаленные черепа медленно поблекли

и снова ушли в темноту, словно и не было их. Ослепительный свет тоже притворился спящим до поры до времени — нужно набраться сил.

* * *

Штольц шел по коридору. Рядом выстроились в ряд жилые палатки Пушкинской. Станция просыпалась под строгим взором штандартенфюрера, привыкшего не упустить ни малейшей детали, и в этот раз она ничем его не удивила: обычное утро Четвертого рейха. Загоралось все больше ламп, в закутке у колонны уже разминался крепкий обер-ефрейтор, голый по пояс. Он с энтузиазмом охаживал кулаками импровизированную грушу, сделанную из мешка, набитого песком и опилками. Заметив черную форму высшего офицера СС, обер-ефрейтор замер по стойке смирно, с обожанием провожая взглядом Георгия Ивановича.

— Продолжайте занятия, — офицер отсалютовал солдату и быстрым шагом спустился по эскалатору к переходу на Чеховскую.

Штольц шел из своей комнаты в кабинет, деловитым видом нагоняя страх на жителей станции. Да, у него была настоящая комната. Не палатка и не койка в казарме, а маленькое уютное жилище, стены которого были сложены из настоящего силикатного кирпича, а не сколочены из фанеры. Только вот бывал в ней штандартенфюрер Штольц крайне редко, больше ночуя не дома, а в рабочем кабинете, да и там приходилось не спать, а чаще бодрствовать. Правда он никогда и не считал эту каморку своим домом — так, кладовка для хранения личных вещей, причем совсем не дорогих ему и практически ненужных. Тех, которые не жалко и потерять. Все, что было Штольцу дорого,

он или носил с собой, или хранил в кабинете аналитического отдела внешней разведки, хозяином которого он себя по праву и считал.

— Хайль, Георгий Иванович! — сама громкость приветствия, видимо, должна была обозначить высшее уважение к начальству...

Все, наводнившая станции Четвертого рейха мелкая шушера называла себя Гансами и Фрицами, мало у кого хватало фантазии на Иоганна или Вольфганга, для этого понадобились бы не столь поверхностные знания в области культуры или политики. Но в глубине души, если таковая вообще имелась у новых нацистов, все они так и оставались обычными Васьками и Ваньками. Благородные имена висели на них, как клички, коими они, по сути, и являлись. Среди этой повальной Гансо- и Фрицофилии, не отрекаясь брезгливо от своей сути, стоял особняком один человек. Георгий Иванович Штольц был настоящим этническим немцем, каковых на станции Чеховская среди сплошных подделок отыскать было невозможно. И, несмотря на вполне русское имя и отчество, происходил он из древнего рода поволжских немцев, которых пригласила еще императрица Елизавета II в конце семнадцатого века для, как она говорила, превращения Руси лапотной в Россию Великую. После похода ее армии, завоевавшей Восточную Пруссию, предки нынешнего Штольца перебрались в Москву да так и остались там на протяжении почти пяти веков. Они восприняли эту «дикую» и «варварскую» для них страну как новую Родину, полюбили и сроднились с ее народом. Георгий Иванович уважал свои древние немецкие корни и не собирался изменять традициям семьи. Он разговари-

вал на исключительно правильном, литературном языке, знал историю России лучше, чем эти огрызки-русофилы упрятанного в подземелья Четвертого рейха, получил хорошее образование на историческом факультете МГУ. Но все же он был немцем! Стопроцентным немцем по крови и темпераменту. Он знал язык своего народа в совершенстве, не козыряя этими знаниями, хотя изредка ставил на место новоявленных доморощенных нацистов, перевирающих великий язык Канта, которые, к месту и нет, вставляли в разговор модные для них словечки. Делал это слегка улыбаясь, словно учитель, с авторитетом которого не спорят. И, как истинный немец, он умел скрывать свои эмоции, свою неприязнь к этим недогерманцам, отринувшим русскую душу. Ради великой цели... ради работы.

Георгий Иванович знал все обо всех. Информация была его коньком. Он жил ради информации. Штольц был важной частью странной системы, где порядок поддерживался осведомленностью. Все считали главным фюрера... Да, фюрер правил Четвертым рейхом, но не был самым важным, определяющим звеном в системе. Им стали те, кто ведал информацией. Кто выбирал, в каком объеме ее предоставить правящей верхушке. Скромный штандартенфюрер Георгий Иванович Штольц держал в руках ниточки, которые позволяли влиять на решения великих. Хотя по серо-стальным глазам и плотно сомкнутым узким губам невозможно было угадать, что там творится в этой лобастой светлой голове. Подчиненные и равные ему по должности или званию одновременно побаивались и уважали его, уж слишком многое он знал про их дела. Многие их приключения, нередкие залеты и «подвиги» наверняка отложились где-то на полочках бескрайней памяти Штольца. Они ошибались:

он знал не немного... он знал о них абсолютно все. И если бы они догадывались об объеме собранного на них компромата, Георгий Иванович не прожил бы и пяти минут. Феноменальная память позволяла ему не вести записей. Поэтому периодические проверки и обыски для контроля всех без исключения не приносили результатов. Компромата на самого штандартенфюрера не было, а значит, и не было способа повлиять на него. Начальство видело исполнительного, странного, но очень полезного немца, который иногда, как бы невзначай, подкидывал им идеи, позволявшие предстать перед фюрером в выгодном свете.

Занимаясь перекладыванием бумажек для видимости «кипучей деятельности», Штольц в который раз анализировал ситуацию на «фронте». Редкие позиционные бои в перегонах и коммуникациях с Красной линией затягивались, что было ему на руку. Где-то рубежи были отбиты на считанные метры, в другом месте — отданы. Война с коммунистами давно перешла в стадию окопной. Хотя она и подрывала экономику обеих сторон, в конечном итоге, как это ни грустно осознавать, станции Четвертого рейха проиграли эту войну. Сказывался большой экономический и людской ресурс коммунистов. С сосредоточенным видом, как будто решал шахматную задачу, Георгий Иванович обдумывал свой следующий ход. «Надо бы где-то их ослабить. Нужен второй фронт. Очень нужен, иначе через год от Рейха останутся одни воспоминания». Он покрутил в пальцах карандаш, словно собирался записать ускользающую идею. «Зреет недовольство в рядах чегеваровцев против инертной политики Москвина. Надо будет наверх — через начальника контрразведки — протолкнуть

идею об их финансировании. Пускай даже не напрямую, а через посредников...» Он даже ухмыльнулся, оценивая изящество этой идеи. «Так даже лучше. Заставить коммунистов драться с коммунистами, как это по-иезуитски. Генералу это понравится... опять будет пыхтеть от удовольствия, когда фюрер поставит его в пример остальным. Как там говорил Шеф в «Электронике»: «У каждого должна быть своя кнопка».

Вот уже скоро десять лет, как он сам бежал с Красной линии. И много уже успел сделать: дослужился до штандартенфюрера, стал начальником аналитического отдела контрразведки. А с чего все начиналось? Тщедушный учитель немецкого языка и истории впервые был замечен нацистами у коммунистов. По информации неизвестного осведомителя, его описывали как очень талантливого аналитика, к тому же немца по национальности, и, ко всему прочему, имеющему весьма сложные отношения с вновь установившимся коммунистическим режимом. Была разработана сложная операция по вызволению нужного человека. И в последний момент почему-то все пошло не так. Почему-то... Георгий Иванович лучше всех знал почему. Это был его бенефис. С этой не вполне чисто проведенной операции фашистской разведки и начались первые серьезные столкновения двух режимов, в конечном итоге приведшие к столь затянувшейся войне.

Никто и не помнил, как этот худощавый человек с острым пронизательным взглядом серых глаз появился на станции Театральная. Если бы кто-то в тот момент захотел проверить, то он не нашел бы ни одного свидетеля, как этот учитель прошел хоть один блокпост станции. Он

появился из ниоткуда. Создавалось ощущение, что просто в какой-то момент вдруг на станции детей стали звать в школу, и у большой палатки их встречал учитель. Неслышанное дело: мир катится в тартарары, а тут неожиданно организовалась школа. Кусочек ушедшей жизни, словно магнитом, притягивал к себе всех жителей Театральной. И учитель пользовался всеобщим уважением.

Коммунистическая идеология набирала силу на Красной линии, а Театральная хоть и была под их протекторатом, но все же оставалась свободной станцией. Не было в ней желанного безропотного повиновения, поэтому появление нового человека, к которому потянулись люди, очень не понравилось партийным руководителям. А когда выяснилось, что привлечь его на партийную работу не выйдет, да и кроме всего прочего этот новоявленный учитель немец по национальности, среди верхушки стали ходить слухи о шпионах и диверсантах нового Рейха на соседнем станционном узле. Неприязнь усилилась и переросла в открытую враждебность. Штольцу вначале запретили работать в школе как политически неблагонадежному, а после и вовсе арестовали по какому-то надуманному предлогу, обвинив его в антиправительственной агитации.

Предсказуемо, что ситуация вышла из-под контроля руководства. Привыкшие, единогласному одобрению коммунисты получили вдруг настоящую демонстрацию на станции Театральная, с транспарантами и громогласно скандируемыми под сводами станции лозунгами. Жители требовали немедленно освободить педагога, приносившего пользу. Скрывать это и дальше от Лубянки стало невозможно. Наверх доложили о протестах, и лично генсек Москвин распорядился доставить Георгия Ивановича Штольца

в особый отдел. Возмутители спокойствия ему были не нужны, сколь безобидно они ни выглядели бы. А дальше произошло необъяснимое. При перевозке арестованного патрульная дрезина бесследно исчезла вместе с караулом и заключенным. Как это могло произойти возле самой Лубянки, никто так и не понял. Посреди туннеля обнаружили труп в форме штурмовика Четвертого рейха — и никаких объяснений, как из замкнутого пространства короткого перегона, в котором и испугаться толком никто не успевал, могла исчезнуть тяжелая моторизированная дрезина с десятком хорошо вооруженных охранников.

А когда Георгий Иванович объявился в Рейхе, все стало на свои места. Коммунисты объявили ультиматум с требованием выдать его, иначе... Как таковую войну никто между двумя государствами никто не объявлял. Просто на границе начали возникать вооруженные столкновения. Все чаще и чаще. И даже руководство обоих государств теперь не смогло бы с точностью вспомнить, что было той искрой, которая разожгла пожар войны. Драка шла уже десяток лет. То затихая до дипломатических конфликтов и оскорблений в адрес руководителей и мелких столкновений, то снова разгораясь до масштабов открытых боев.

Георгий Иванович машинально взял в руки книгу, лежавшую на столе. Проведя пальцами по корешку, он почувствовал под подушечками тиснение готического шрифта немецких букв.

«Mein Kampf». Пожалуй, единственный экземпляр на немецком языке, оставшийся у человечества и, по иронии судьбы, бережно хранившийся у врага фашизма. Портрет внутри еще раз вызвал недоумение.. Георгий Иванович еще

помнил отрывки хроник выступлений вождя Третьего рейха — Гитлера. Его живая энергетика сильно действовала на массы. Он аккуратно перевернул верхний лист и уставился в знакомый и уже почти заученный наизусть текст. В голове теснились собственные вопросы, которые нужно было решить побыстрее, но Штольц все равно медлил, возвращаясь к началу, к загадке, которую ему так и не удалось разгадать до конца. Аналитик не умел отдыхать и отвлекаться, его мозг трудился как всегда.

Идеи простые и понятные для всех... и главное близкие во все времена и для всех народов. Например, чтобы нация могла вернуть себе величие и силу... Какая нация? Бритоголовых скинхедов, демонстративно одетых в черное? Пусть сами себе сначала человеческий облик вернут, а потом уж... Власть завоевывают. Создать себе такую славу на весь метрополитен, чтобы люди отплевывались через плечо при их упоминании, не лучший способ завладеть миром.

Впечатление из «Mein Kampf» Штольц вынес только одно: написано практичным человеком, которому лучше было бы остановиться на теории. А еще лучше — стать архитектором или художником, как и хотел. Ненависть и жажда власти капали со страниц вместе с неудовлетворенностью собственной жизнью. Тараканы из головы одного сумасброда расплозились слишком широко и начали пожирать мир. Но когда-то он старательно заучивал эти факты биографии и пропагандистскую теорию. Как обрабатывать массы... Врага надо знать, понимать, и даже более того: чем опасней враг, тем ближе к тебе он должен быть. Отфильтровав похвальбу автора и прочую мишуру, он пытался все-таки понять текст, но не принять... А ведь это знание открывало двери Четвертого рейха. Ему нужно

производить впечатление человека, которому поведено откровение, который обрел новую цель в жизни, прочтя эту книгу. Не обрел, слава богу. Но мимикрия необходима. Это как опасный хищник богомол, прикинувшийся засохшим листиком... своим, милым, безобидным. Принять — нет, слишком скептический ум, и не приживались в нем чуждые идеи... Ну, хоть что-то было нужно! «Массы ведомы сильными мира». Пожалуй, и в этом Адольф Америку не открыл...

Это ж как надо гордиться собой, чтобы сделать из собственной биографии краткий курс молодого оратора! И хитро сослаться на будущее, которое оценит масштаб личности, недоступный пониманию современников. Потомки оценили. Да и современники тоже — Нюрнбергским процессом. Если сто раз повторить слова «великий замысел», он таковым все равно не станет.

Зацепиться было не за что. Принципиально нового в этой книге Штольц не нашел и ничего не вынес, кроме однобоко и криво поданного краткого курса германской и австрийской истории, совершенно не нужного для его личных целей, да и сам он мог бы написать об этом подробнее и объективнее. И о пользе обработки масс он знал и без Гитлера. Идея национализма вызывала отвращение, как на нее ни гляди... Но чтобы использовать слова, не обязательно с ними соглашаться. Главное правильно рассортировать информацию, и в нужный момент она всплывет сама. С этой мыслью Штольц отложил книгу. Хватит с него на сегодня чужих тараканов.

«Воля и сила»... Если придерживаться этого — стремиться в общество, где оба качества не порицаемы, а возведены в добродетель? Годится только для тех, кто назван-

ные качества на картинке видал. То есть делай, что захочешь, с тем, кто тебе жить мешает, и никакой ответственности — общество станет на твою защиту. Вот в чем тут дело! Стоило упростить для неграмотных — и все понятно. Он этот этап познания уже прошел, до конца, от действий до ответственности за них. И выводы для себя сделал совершенно другие. Но иной точки соприкосновения с печатным талмудом не нашлось. В книге было сказано, что тот, кто хочет завоевать на свою сторону широкие массы народа, тот, прежде всего, должен отыскать ключ, открывающий двери к сердцам народа. И этим ключом становились воля и сила, а объективность Адольф представлял слабостью. Слова истинного постапокалиптического вождя, хоть и не мог Гитлер даже представить себе подобное явление в далеком будущем. Или мог?

В такой глубокой задумчивости и застал его помощник, обер-лейтенант Фриц Шмольке. Осторожно протиснувшийся в дверь, высокий, широкоплечий, светло-русый, конопатый, курносый парень никак не соответствовал взятому имени. Типичные славянские черты лица были далеки от идеалов арийской нации. В «девичестве» Федор Шматков почему-то сильно обижался, когда его шеф забывал их компромиссное решение или специально, чтобы лишний раз подколоть нерадивого подчиненного, называл его не по званию, а по имени, данному родителями. И было это чаще всего в такие моменты, когда адъютант неожиданно отвлекал шефа от важных размышлений. Дождавшись, пока господин штандартенфюрер наконец-то обратит на него внимание, парень, желая угодить Штольцу, размашисто вскинул руку: